

ALEKSANDER N. SWIRYD
Brześć (Białoruś)

Национальный аспект деятельности католической церкви византийско-славянского обряда в Западной Беларуси (1923–1939)

С возрождением после Первой мировой войны польского государства неминуемо встал вопрос о церковной унии, как это уже было в истории.

На момент заключения Рижского мира в Ватикане имелось, по крайней мере, 4 проекта возрождения унии на территории Западной Беларуси, из которых в начале 20-х гг. XX века был реализован проект католической церкви византийско-славянского обряда, который некоторые историки позже называли «неоуния», а современники «восточный обряд»¹.

Какой же национальный момент господствовал в ней: русский, белорусский, украинский или польский? Тезис советской историографии о том, что уния являлась фактором полонизации, так же не лишён оснований. В этом случае показательно отношение к неоунии со стороны Белорусской Христианской Демократии. В 1925 г. папскому нунцию в Варшаве Лаури был вручён меморандум ксендзов Белорусской Христианской Демократии, в котором выражалось опасение относительно характера развёртываемого в Польше униатского движения, выдвигалось требование отказаться от польского характера церковного объединения, придать ему национальный белорусский оттенок. Руководители Белорусской Христианской Демократии выступили не против унии, а отвергали только её польский характер. Однако, Ватикан и епископат Польши оставили без внимания эти протесты и в целом отрицательно относились к идее церковной унии в трактовке Белорусской

¹ И. Грудницкий протоиерей, *Где истинная церковь?* — Брест. — 1996. С. — 126.

Христианской Демократии². Даже в 1931 г. Белорусская Христианская Демократия считала неоунию политическим актом, при помощи которого Польша стремилась «расширить своё влияние на народные массы Беларуси». Довольно категорично было сформулировано положение, согласно которому, «пока уния будет связана с политическими интересами различных кругов, точнее, пока это дело не будет вырвано из польских рук, оно осуждено на смерть». Поэтому Белорусская Христианская Демократия призывала белорусский народ «остерегаться всяких попыток польских политиков расширить... унию»³. До 1931 г. Белорусская Христианская Демократия видела с польской стороны большую угрозу, чем с русской.

Журнал «Unija» — в начале 1931 г. писал:

На Полесье с юга давят украинофилы, а с севера белорусины. Первые считают народ на север от Припяти белорусизированным, вторые — на юге украинизированным. В действительности же, это совершенно отдельное от них обоих племя, что вытекает уже из названия «lackie» (lasz-skie), а название «полешук» выговаривается там «полэшук», в связи со смягчением «х» на «ш». Здесь содержится корень слова «лех», или «по-лешук», это житель «по-лесья», то есть ляхского края. Приобретение полешуков в качестве друзей польской культуры как близкого полякам племени имело бы большое значение для забивания на востоке клина, отделяющего антипольский украинизм и белорусизм⁴.

Журнал «Oriens» в 1934 г. сообщал, что Антон Неманцевич составлял список своих прихожан, а уклонившиеся от регистрации больше не считались поляками⁵. Это говорит о том, что, по крайней мере, в Сынковичах, а, возможно, и в остальных курируемых иезуитами неоуниатских приходах, верующие католической церкви византийско-славянского обряда считались католиками, а, значит, и поляками. На польском языке издавалось немало литературы миссионерского характера⁶.

Польские власти пытались сделать унию инструментом полонизации, считали, что приходы нового обряда будут быстро полонизироваться⁷. Но, в целом, эти надежды не оправдались. Духовенство католической церкви византийско-славянского обряда чаще использовало русский, белорусский и украинский языки и стояло на непольских национальных позициях.

² И.О. Фёдоров, *Униатская политика Ватикана в Западной Беларуси в довоенные годы (1919–1939)*. Кандидатская диссертация. 07.00.02. — *История СССР*. — Гродно, 1985. — С. 177, 178.

³ Там же, с. 180–181.

⁴ S. T. (Pińsk), *Polesie* // Unja. — 1931. — Липец. — № 1. — С. 10.

⁵ Oriens. — 1934. — № 3. — С. 93.

⁶ І. Іваноў, *Незасвоеныя ўрокі* // Наша місія. — 2000. — № 2. — С. 6.

⁷ В. Цыгин протоиерей, *История русской церкви 1917–1997. Книга девятая*. — Москва, 1997. — С. 233.

По условиям заключённого в 1925 г. конкордата между Польшей и Ватиканом, католический священник не мог изменить язык проповеди и язык дополнительного богослужения без предварительного согласования с конференцией епископов⁸. Но в то же время решение этого вопроса оказывалось в компетенции костёла. Католическая церковь быстро решила этот вопрос. Уже 9 ноября 1926 г. на конференции епископов восточных епархий было принято постановление о необходимости проведения катехизации на местном языке верующих. На такой позиции решительно стояли епископы обоих обрядов на конференции в Гнёзно, состоявшейся 17–18 сентября 1928 г.⁹. Изданная в 1929 г. инструкция по ведению униатской работы отмечала желательность исполнения пасторских обязанностей в приходах византийско-славянского обряда не просто священниками этого же обряда, а той же самой национальности, к которой принадлежат и прихожане. Она так же отмечала, что в работе священник должен использовать тот язык, который используют верующие в ежедневном общении между собой¹⁰.

Это открывало широкие возможности. Но проповедь католической церкви византийско-славянского обряда изначально была рассчитана на русский национальный момент, и первоначально велась преимущественно на русском языке. Ватикан к этому подготовился. Декретом папы от 22 июня 1907 г. русский язык был признан в католической церкви вторым церковным языком¹¹. В январе 1925 г. на русском языке широко распространялась листовка под названием «Да будут все едино»¹². Кроме использования русского языка, распространение католической церкви византийско-славянского обряда проводилось под флагом русского национализма, ставку на который Ватикан сделал по предложению епископа Мишеля д'Эрбиньи и русских католиков, князей Волконского и Трубецкого. В основе этого шага лежал тезис о культурно-политическом единстве украинцев и белорусов с Россией. Обращением белорусского и украинского населения Западной Беларуси и Западной Украины в восточный обряд при посредничестве людей с русскими убеждениями преследовалась и цель создания центра для будущего проникновения

⁸ S. Piekarski, *Wyznania religijne w Polsce*. — Warszawa, 1927. — С. 50.

⁹ S. Stępień, *Nowa unia kościelna — obrządek bizantyjsko-słowiański // Polska-Ukraina. 100 lat sąsiedztwa*. / red. S. Stępień. — t. 2. — Przemyśl, 1994. — С. 157.

¹⁰ *Pamiętnik VI-ej Pińskiej Konferencji Kapłańskiej w sprawie unii kościelnej (1–3 wrz. 1937)*. — Pinsk, 1937. — С. 50.

¹¹ Свящ. В. Данилов, *История проникновения и распространения католицизма в русских землях до 1917 г.* — отпечатано на лазерном принтере без ссылок на издательство. 1980. (Книга хранится в библиотеке греко-католической общины г. Бреста). — С. 49.

¹² W. Piotrowicz, *Z zagadnień wyznaniowych w Polsce*. — Wilno, 1929. — С. 34.

в глубь России, поэтому его священники начали выступать в своей деятельности в роли русских националистов¹³.

Влияние на развитие неоунии в Западной Беларуси так же оказывал Миссионерский институт в Люблине, сориентированный исключительно на будущую работу в России¹⁴. В этом учебном заведении преподавались русский язык, русская литература и русская история¹⁵. В сентябре 1931 г. по инициативе епископа Николая Чарнецкого реорганизуется семинария восточного обряда в Дубно. Несмотря на то, что некоторые дисциплины читались на белорусском, украинском и польском языках, языком преподавания в ней был русский¹⁶.

Однако, по оценке польских властей, ставка на русский национализм в целом не сыграла. Кардинал Синцери, епископ Мишель д'Эрбиньи и действующие в Ватикане русские не предвидели, что русификаторские тенденции в украинской и белорусской среде могут вызвать неприятие. Это вынудило Ватикан к основательной ревизии¹⁷. II пасторская конференция, проходившая в Пинске 1–3 сентября 1931 г., выступила за использование родного языка верующих¹⁸.

Но быстро перестроить работу было не так просто. Повлияло на ситуацию и то, что на русском языке существовала обширная религиозная литература, а так же тот факт, что многие священники были русской национальности¹⁹. Господствовало убеждение, что русский — это язык, понятный для всех. При подготовке миссионеров в Риме, так же использовался русский язык. На русском языке вели работу Донат Новицкий, Евгений Ружицкий, Трофим Семяцкий, многие иезуиты Альбертина, например, Карл Буржуа, а также большинство священников, перешедших в католическую церковь византийско-славянского обряда из православия.

Но с начала 30-х годов русское влияние стало ослабевать на фоне роста украинского и белорусского. Но даже в 1939 г. новогрудский

¹³ А. Надсон, *Друж і грэка-каталіцкая царква на Беларусі*. — Лёндан, 2001. — С. 17.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Украины во Львове, ф. 358, оп. 1, № 177, л. 63, 63 об.

¹⁵ А.К. Свитич, *Православная церковь в Польше и ее автокефалия*. Режим доступа: http://www.krotov.org/libr_min/s/svitich1.html http://www.krotov.org/libr_min/s/svitich2.html.

¹⁶ И.О. Фёдоров, *Униатская политика Ватикана в Западной Беларуси...*, с. 123.

¹⁷ Государственный архив Брестской области (далее ГАБО), ф. 1, оп. 10, д. 2853, л. 2–3.

¹⁸ А. Вабішчэвіч, *Уніяцтва на заходнебеларускіх землях у 1920–30-я гг. // Брестской церковной унии — 400 (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі)*. — Брэст, 1997. — С. 194.

¹⁹ S. Stępień, *Nowa unia kościelna...*, с. 156–157.

воевода отмечал, что иезуиты Альбертина, согласно директивам своего движения, начали придавать ему всё более выразительный русско-православный отпечаток. Воевода делал вывод, что «желанию пропаганды и углублению польской культуры униатские деятели чужды или безразличны», и отмечал среди других национальных влияний с их стороны, в том числе и русское. Новогрудский воевода так же отмечал, что альбертинский приход насчитывает около 740 прихожан, «рекрутированных частично из эмигрантов-россиян, частично из русифицированного „тутейшего” населения»²⁰.

Согласно оценке Сергея Стенпеня, процессы национального возрождения белорусов и украинцев были недооценены²¹. И с этой оценкой трудно не согласиться. Украинское влияние на развитие католической церкви византийско-славянского обряда стало особенно заметно в 30-е годы.

Весной 1931 г. МВД Второй Речи Посполитой располагало информацией, согласно которой апостольский визитатор восточного обряда в Польше Николай Чарнецкий по отношению к украинскому населению должен был выступать как украинец. В Косовском повете в 1931 г. Николай Чарнецкий просил разговаривать с ним на украинском языке. В 1934 г. референт МВД, описывая обстановку на восточных территориях польского государства, отмечал, что католическая церковь византийско-славянского обряда вносит «в повседневную жизнь... шовинизм украинцев...»²².

В Альбертине было много монахов из Западной Украины, в том числе и со Львова, с которым поддерживалась тесная связь²³. 16 октября 1937 г. в Альбертине состоялось торжественное открытие церкви. В программе было выступление хора с исполнением на слова В. Пионткевича песни *Украина, Украина*, только после чего было запланировано исполнение белорусской песни. После постройки этой церкви в Альбертин со Львова приехало много священников, которые так же не могли не оказать влияния на ситуацию.

Полесское воеводское управление не ранее 1938 г. отмечало, что после того, как Люблинская католическая группа национально-русского характера перестала оказывать влияние на ситуацию во Второй Речи

²⁰ Wojewoda Nowogródzki. Nr. PN. III. 81/5/tjn/39. Nr. ewid-32. Tajne. Wyłącznie do użytku służbowego. Opracowanie zagadnienia polskiego stanu posiadania w województwie Nowogródzkim. — Nowogrodek, kwiecień 1939. — С. 46.

²¹ S. Stępień, *Nowa unia kościelna...*, с. 156.

²² ГАБО, ф. 1, оп. 10, д. 2853, л. 6–7.

²³ Н. Аляксеева, *Уніяты ў перадаваеным Альберціне* // Наша вера. — 2000. — № 2. — С. 5.

Посполитой, неоуниатское движение стало придерживается византийско-украинского направления. В качестве примера приводился приход на Мерлинских хуторах Столинского повета. Сильное украинское влияние отмечалось в конце 30-х гг. в Полесском воеводстве так же в Городно Столинского повета, частично в Ольпене Столинского, и в Заречье Пинского повета.

В 1939 г. новогрудский воевода отмечал, что приходом в Сынковичах руководит священник-украинец Ян Герматюк, и в целом украинское влияние на католическую церковь византийско-славянского обряда в воеводстве.

Что касается белорусского момента, то изначально проект католической церкви византийско-славянского обряда не был связан с требованиями белорусского возрождения.

Проповедовал на белорусском языке и на этом языке общался с прихожанами в повседневной жизни священник Вацлав Оношко, который в 1926 г. был назначен в Ольпень Столинского повета²⁴. В школе Вацлав Оношко проводил уроки по изучению Закона Божьего так же на белорусском.

Возможно, на момент начала распространения в Западной Беларуси католической церкви византийско-славянского обряда Вацлав Оношко уже стоял на белорусских национальных позициях. Сергей Абламейко сообщает, что когда в 1925 г. возникло издательское общество «Беларуская Хрысціянская думка», основанное в 1926 г. Беларускую Друкарню имени Франциска Скарыны, Вацлав Оношко был её членом, но не сообщает, в каком году он им стал²⁵. Однако, скорее всего, использовать белорусский язык в проведи и выступать с белорусских национальных позиций среди верующих, он стал в период между 1929 и 1931 гг., потому что в конце 1928 г. староста отмечал его как примерного пастыря. Когда 28 ноября 1928 г. МВИОП тайно запросило у полесского воеводы о лицах, «здоровых патриотично, на которых правительство может рассчитывать, что они его поддержат, и имеющих значительное влияние среди людей»²⁶, то воевода в декабре 1928 г. отметил, что всего на территории Полесского воеводства таких лица только 3, и среди них особенно хорошую характеристику дал Вацлаву Оношко. Если бы Вацлав Оношко выступал с позиций, которые противоречили польской внутренней политике, то вряд ли бы он получил такую характеристику. Но по результатам переписи 1931 г. в Ольпене 1050 человек назвали себя белорусами. Власти повета считали это «исключительно делом ксенд-

²⁴ *Божым шляхам*. — 1966. — сакавік-красавік. — № 2 (95). — С. 11.

²⁵ С. Абламейка, *Невядомая Унія: перадгісторыя ў XX стагоддзі* // Унія. — 1995. — № 4. — С. 39.

²⁶ ГАБО, ф. 1, оп. 2, д. 2028, л. 11.

зов националистов-белорусов Оношко и Почобко»²⁷. Перевод Вацлава Оношко в 1935 в Делятичи не изменил его национальной позиции.

Белорусский язык использовал в работе Болеслав Почобко, который во время Первой мировой войны был преподавателем белорусской гимназии в Свислочи, а после посвящения в 1926 г. в сан, служил в Бобровичах Полесского воеводства. Считал себя белорусом и разделял идею независимого белорусского государства священник католической церкви византийско-славянского обряда Зенон Шымкевич. С 1929 до 1935 г. в Делятичах служил бывший православный священник Ян Панько, который считал себя белорусом и сторонником борьбы за независимую Беларусь. Переведённый в 1935 г. в этот приход Вацлав Оношко также пользовался белорусским языком.

Почти все остальные факты, которые удалось обнаружить в процессе исследования, о поддержке духовенством католической церкви византийско-славянского обряда белорусских национальных позиций и использования белорусского языка в проповеди и обиходе относятся к 30-м годам.

Но в Ватикане не поддерживали стремление соединить распространение католической церкви византийско-славянского обряда с белорусским национальным движением и даже с белорусской культурой и языком. Попытка создания белорусского неоиуниатского центра в монастыре мариан в Друе закончилась провалом. Обвинённые в белорусском национализме мариане были высланы в Маньчжурию.

Олег Латышонок считает журнал «Да злучэння» «единственным белорусским проблеском в неоиуниатском движении»²⁸. По его мнению, кроме языка, журнал не имел ничего общего с белорусской национальной программой. Данное мнение ошибочно. В номере «Да злучэння» за январь 1932 г. содержалось следующее обращение:

Нас, белорусов, 10 миллионов... Где признание численности и силы белорусского народа? Этого не будет так долго, как долго не произойдёт среди белорусов объединение прежде всего религиозно-духовное, а затем и общественно-национальное.

В других номерах «Да злучэння» так же писалось о предстоящем религиозном и национальном объединении белорусов.

Иезуиты также издали *Белорусский календарь на 1932 г.*, в котором отмечалось, что белорусский народ разговором и психологией значительно отличается от польского народа. С 1932 г. богослужения на бело-

²⁷ І.У. Гетман, *Рэлігійная палітыка на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.* // *Маладзь Берасцейшчыны* / ред. И.И. Акинчиц. — Брест, 1994. — С. 32.

²⁸ O. Latysonek, *Unia a białoruski ruch narodowy od połowy XVIII do połowy XX wieku* // *Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały*. / ред. A.A. Zięba. — Kraków, 1994. — С. 88.

русском языке стали проводиться в Сынковичах, Делятичах и других приходах Новогрудского воеводства. Польские власти отметили, что отцы Альбертинцы, проводя работу среди белорусов, не препятствуют распространению среди них идей белорусского национализма и даже независимого государства.

Быстро перестроить работу было сложно. В Альбертине был только один человек, о котором доподлинно известно, что он был белорусом и выступал с белорусских национальных позиций. Это был Антон Неманцевич. Более того, есть косвенные данные, согласно которым, с проповедями на белорусском языке выступал только он. И. Иванов, оценивает ситуацию так: «Альбертинские иезуиты хоть и были русофилами, но работать Неманцевичу, используя белорусский язык, не запрещали»²⁹. Некоторое время он был настоятелем прихода в Сынковичах, а с 1934 г. — профессором Духовной Семинарии в Дубно. В связи с этим назначением Антон Неманцевич был вынужден большую часть времени проводить на Волыни.

Белорусский язык использовался в Альбертине параллельно с русским. Новогрудское воеводское управление в отчёте в Министерство Внутренних дел за 1-е полугодие 1933 г. отмечало, что в Слонимском костёле проводятся униатские богослужения с использованием «настолько деформированного белорусского языка, что он фактически является русским»³⁰.

Но деятельность альбертинских иезуитов с опорой на белорусский национальный момент не была бесплодной. Новогрудский воевода 19 января 1939 г. сообщал в МВИОП, что деятельность духовенства византийско-славянского обряда влечёт пропаганду среди верующих «не только белорусского языка, но и расширение белорусских национальных традиций»³¹. В составленной в 1939 г. тайной инструкции он так же отмечал, что униатское движение усиливает на территории своей деятельности белорусское влияние³².

В 1938 г. по оценке белостоцкого воеводы, приходы католической церкви византийско-славянского обряда в Фастах, Косно и Курашеве сохраняли в жизни клира и прихожан белорусский язык³³. В 1939 г. белостоцкий воевода ещё раз подтвердил данную оценку³⁴.

²⁹ І. Іваноў, *Незасвоеныя ўрокі* // Наша місія. — 2000. — № 2. — С. 6.

³⁰ Государственный архив Гродненской области, ф. 200, оп. 2, д. 12, л. 72 об.

³¹ ГАБО, ф. 1, оп. 10, № 2305, л. 34, 34 об.

³² Wojewoda Nowogródzki. Nr. PN. III. 81/5/tjn/39. Nr. ewid-32. Tajne... — С. 46, 51.

³³ ГАБО, ф. 1, оп. 10, № 2305, л. 18, 18 об.

³⁴ Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 21, № 1784, л. 23.

Высчитать процентное соотношение русского, как и украинского или белорусского и польского влияния католической церкви византийско-славянского обряда на население Западной Беларуси в течение рассматриваемого периода невозможно. По мнению польской исследовательницы М. Папежиньской-Турек, эволюция неоунии шла в направлении использования (в проповедях, дополнительных богослужениях, в контактах с верующими, публикациях) кроме русского, и других языков, но русский язык весь межвоенный период удерживал доминирующую позицию³⁵. Александр Николаевич Вабищевич также считает, что белорусский национальный момент не был доминирующим в неоунии³⁶. В 1937 г. священник византийско-славянского обряда Донат Новицкий, выступая на 6-й конференции в Пинске, отмечал, что различные группы и течения хотят иметь влияние в приходах, но особенно отметил польское и украинское. По его мнению, русское влияние в целом слабое, а белорусские имело локальный характер³⁷.

С таким выводом трудно не согласиться.

Narodowościowy aspekt działalności Kościoła katolickiego obrządku bizantyjsko-słowiańskiego na Białorusi Zachodniej (1923–1939)

Streszczenie

W artykule omawiany jest narodowościowy aspekt działalności Kościoła katolickiego obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. W obrębie jego kulturowego oddziaływania obecny był też nurt polski. Duchowieństwo częściej jednak używało języka rosyjskiego, białoruskiego i ukraińskiego, nie zajmując pod względem narodowościowym stanowiska propolskiego. Nie jest możliwe wyrażenie w ujęciu procentowym preferencji narodowościowych Kościoła katolickiego obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w badanym okresie. Stanowisko Kościoła ewoluowało w kierunku używania (w kazaniach, nabożeństwach, kontaktach z wiernymi, publikacjach), oprócz języka rosyjskiego, również innych języków, ale język rosyjski przez cały okres międzywojenny zachował dominującą pozycję.

Przetłumaczył Jerzy Rossienik

³⁵ M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939*. — Warszawa, 1989. — С. 410.

³⁶ А. Вабішчэвіч, *Уніяцтва у заходнепалескім рэгіёне 1921–1939 // Брэсцкая унія 1596: гісторыя і культура (Тэматычны зборнік)*. — Брэст, 1996. — С. 25.

³⁷ D. Nowicki, *Akcja katolicka w parafiach unickich na wschodnich kresach Polski // Pamiętnik VI-ej Pińskiej Konferencji Kapłańskiej...*, с. 71–70.

The national aspect of the work of the Catholic Church of the Byzantine-Slavonic rite in Western Belarus (1923–1939)

Summary

In the article the author discusses the national aspect of the work of the Catholic Church of the Byzantine-Slavonic rite. The sphere of its cultural influence also included a Polish strand, though in most cases the clergy spoke Russian, Belarusian and Ukrainian, without taking any pro-Polish stance in national or ethnic matters. It is impossible to express in percentage-based terms the national preferences of the Catholic Church of the Byzantine-Slavonic rite in the analysed period. The Church's position evolved towards using, in addition to Russian, also other languages (in sermons, religious services, contacts with the faithful and publications), though Russian remained the dominant language throughout the inter-war period.

Translated by Anna Kijak